

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.156	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 5.015	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2018 Issue: 11 Volume: 67

Published: 30.11.2018 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Irina Konstantinovna Komarova
Grodno Branch of BIP-Institute of Law, Grodno
kom-ik@mail.ru

Lilya Mikhailovna Shumskaya
Yanka Kupala State University of Grodno
akay2012@yandex.ru

SECTION 29. Literature. Folklore. Translation Studies.

HUMANISTIC COMPONENT OF SOCIETY'S EVOLUTION AND AXIOLOGICAL POTENTIAL OF CREATIVITY OF D. S. MEREZHKOVSKY

Abstract: The features of contemporary globalizing mega-community, which actively breaks spiritual stereotypes and traditional humanistic norms, have been defined in the article. The aim of the article is to analyze the role of axiogenic components in the works D. S. Merezhkovsky, one of leading writers of the Silver Age literature, in changing of people's worldview towards achievement of evolutionary mature state. It is argued in the article, that humanistic constructions, new meaningfulness and senses, aims and ideals, participating in the creation of semantic context of the writer's artistic works, become a source and driving force of development of a personality on condition of interiorization of cultural and historical experience, successful transformation of inborn, natural level of its psyche into construction of the higher, the cultural level.

Key words: Society, worldview of personality, axiological reference-points, artistic work, divine-human hero, aesthetic traditions.

Language: Russian

Citation: Komarova, I. K., & Shumskaya, L. M. (2018). Humanistic component of society's evolution and axiological potential of creativity of D.S. Merezhkovsky. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (67), 182-188.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-67-30> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2018.11.67.30>

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА И ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТВОРЧЕСТВА Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО

Аннотация: В статье определены черты современного глобализирующегося мегаобщества, которое активно ломает духовные стереотипы и традиционные гуманистические нормы. Целью работы является анализ роли аксиогенных составляющих, заключенных в творчестве Д.С. Мережковского, одного из ведущих писателей литературы Серебряного века, в регулировании мировоззрения людей в направлении достижения ими эволюционно зрелого состояния. В статье утверждается, что гуманистические конструкции, новые положительные значимости и смыслы, цели и идеалы, участвующие в создании смыслового контекста художественных произведений писателя, становятся источником и движущей силой развития личности при условии интериоризации ею культурно-исторического опыта, успешного преобразования природного, натурального уровня ее психики и построения высшего, культурного.

Ключевые слова: Общество, мировоззрение личности, ценностные ориентиры, художественное творчество, богочеловеческий герой, эстетические традиции.

Introduction

Современное общество вступило в очень сложную эпоху своего существования, когда глобализирующийся мир порождает всеобщие проблемы в социальной, экономической, политической и духовной сферах, включая

массовые убийства, самоубийства, акты терроризма, техногенные катастрофы, безудержную миграцию населения из отсталых регионов планеты. Эта эпоха характеризуется возможностью закрепить в массовом сознании неограниченное количество самых

Impact Factor:

ISRA (India)	= 3.117	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	ПИИЦ (Russia)	= 0.156	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 5.015	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667		

разнообразных представлений и идейно-ценностных ориентаций исторического, духовного и материального опыта наций, поколений, государств. Однако вопрос о возможности утверждения тех жизненных ориентиров, которые регулировали бы социальные действия индивидов адекватно современному вызову истории, играли бы конструктивную роль в предвидении кризисных ситуаций, способствовали бы выработке наименее рискованных направлений развития и на этой основе – стратегии самосохранения и утверждения гуманистической, а также культуротворческой составляющих мировоззрения личности, - остается открытым. Установление глобальной формы сообщества - мегаобщества – оказывается процессом очень сложным и крайне противоречивым, активно ломающим духовные стереотипы и традиционные гуманистические нормы.

В последние годы особенно ярко обозначаются тенденции увеличения в мире дезадаптивных форм поведения, которые включают алкоголизацию, употребление наркотических и сильнодействующих психотропных средств, правонарушения и преступления. В мироощущении молодежи растет чувство одиночества, незащищенности. Кроме того, происходит превращение потребительства из признака благополучной жизни в некую ценность высшего порядка, обслуживаются и удовлетворяются самые капризные запросы капитала, допускаются самые бесцеремонные формы его поведения. А ценности более высокого, духовного уровня уходят на периферию массовых интересов. Средства массовой информации активно демонстрируют гедонистическое отношение к жизни, закрепляют бездумное потребительское отношение к предметам искусства, вещам, миру в целом. Современное общество обнаруживает явный дефицит прежде всего гуманистических принципов и нравственного сознания на фоне мировой дегуманизации общественных отношений и агрессивного стереотипа поведения личности.

В современных условиях литература выступает не только как художественное творчество, но и способна проявить себя как явление культурологическое. Произведения искусства несут информацию о ценностях человеческого бытия, приглашают к активному диалогу, в котором делается сознательная попытка привнести элемент эмоциональной выразительности. Художественное произведение не только вызывает переживание, но и обеспечивает возможность понимания, задавая направление последующей мыслительной деятельности. Раскрытие смыслового контекста

художественного произведения и интериоризация культурно-исторического опыта, заключенного в нем, становится источником и движущей силой развития личности, происходит преобразование природного, натурального уровня психики и построение высшего, культурного.

Подобным потенциалом осмысления ценностных ориентиров, общественных идеалов, социокультурных норм и жизненных принципов, способных выполнить функцию аксиогенного аттрактора, регулирующего мировоззрение людей в направлении достижения ими эволюционно зрелого состояния, обладает творчество одного из ведущих писателей литературы Серебряного века Д.С. Мережковского. В художественном мире произведений писателя, и, прежде всего, в трилогии «Христос и Антихрист» реализуется модель преобразования личности, соединившая в себе осмысление эстетических традиций прошлого, проявление в судьбе отдельного человека законов исторического развития и движение к будущему гармоничному существованию человека и общества. Важное место в системе ценностных ориентиров писателя занимает проблема постижения смысла истории, заключающегося в движении между прошлым (крушение язычества) и будущим (переход в «царство Духа»), соотнесении исторического процесса с цикличностью развития общества.

Необходимо отметить, что именно в русской культуре эпохи рубежа XIX – XX веков современность осознается как время выбора пути к возрождению личности, к изменению представлений о свободе и реализации этой свободы. Это приводит к усилению в литературе философского начала, стремлению переосмыслить социальное окружение, поведение индивида, пересмотру понятий времени, прогресса, истории, религии.

Возникает вопрос, что двигает ценности и идеалы в эпицентр выбора человеком, в том числе и художником, писателем, путей преодоления проблем и противоречий, что делает ценности участниками программ дальнейшего позитивного развития, позволяющими восстанавливать аксиологическую целостность человеческого бытия, гармонизировать отношения между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и техникой?

Во-первых, среди наиболее существенных основ связи ценностей с культурой, историей выделяют активное, действенное участие ценностей в освоении человеком окружающего мира, в объединении индивидуальных действий людей для совместных системно-организованных движений. Это происходит посредством использования, в том числе и в критические моменты развития человека и общества,

Impact Factor:

ISRA (India)	= 3.117	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	ПИИЦ (Russia)	= 0.156	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 5.015	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667		

осознанных значимых понятий, суждений и образов, выражающих всеобщие смыслы культуры, культурные универсалии, концентрирующие это сознание, волю людей на реализацию высших норм и принципов, направляющих и стимулирующих культурную деятельность системой запретов, норм и идеалов, определяющих систему координат социальной общности, ограждающих от выхода за пределы культуры. Особое место занимает точка зрения относительно того, что ценности кристаллизуются в религиозных верованиях, этнокультурных идеалах (М. Вебер, Н.А. Бердяев). Так, по существу православие - это не только совокупность догматических формулировок, канонов и обрядов в культуре славян, но и определенный строй духовной жизни (ориентация на образ Христа-праведника, готового пожертвовать собой за веру, признающего равноправие всех людей, проповедующего любовь и прощение), духовный такт и вкус, отношение к социальному устройству, труду, семье, природе, вещам.

Во-вторых, ценности имеют свои особенные культурно-исторические начала. Речь идет об определенном культурно-историческом смысле, «духовной ситуации времени» (К. Ясперс), в которых рождается особое отношение к явлениям и качествам окружающего мира. Так, каждая эпоха выбирает себе в прошлом, иногда осознанно, иногда стихийно, близкие ей по духу традиции, служащие коррелятом ее опыта. Действительно, именно мастера слова часто обращались к прошлым, настоящим или будущим этапам истории в поисках оснований устойчивости и стабильности мира и воплощали их в ценностях простоты начальных (первобытных) идеалов, достигнутого (западного) материального комфорта или будущего (утопического) царства справедливости и равенства.

Д.С. Мережковский обращается к романной форме повествования и тем самым предельно расширяет свойственные искусству рубежа XIX – XX веков формы, приемы и средства художественной выразительности. Автор существенно расширяет эстетический потенциал современной ему культуры, включив в систему конкретно-исторических образов универсальные символы (дух-плоть, Христос-Антихрист, сверхчеловек-Богочеловек), способные раскрыть смысл важнейших проблем современной ему эпохи (язычество и христианство, разум и вера, действие и созерцание).

В данном смысле особо актуальными становятся размышления Д.С. Мережковского о сущности, идейном содержании мировоззрения индивида, соотношении в нем умозрительного и морально-этического начал. Писатель приходит к

мысли о переоценке ценностных ориентиров личности и ее свободе, способных позитивно повлиять на эволюцию общества. Выработка обновленного типа индивида приводит писателя к мысли о всемирности духовных основ человека, движущегося в поиске спасения к Богочеловечеству. Именно это объединение Мережковский считает высшим проявлением любви и свободы человека, одухотворяющим его существование и спасающим от одиночества. Обновленное христианство в виде религии Третьего Завета и возрождение истины Христа в человеческой душе, по мнению писателя, выступают в качестве способа достижения богочеловеческого состояния.

Materials and Methods

Основу писательской концепции преобразования личности составляют религия, история и искусство. Религия, по мнению Мережковского, принимает и освящает плоть человека, его творчество, свободу, исторический процесс выступает в качестве пути к «грядущему божьему миру», а искусство – способа перехода в будущее царство «Третьего Завета». Одним из основных качеств Богочеловека, считает Мережковский, является стремление к Прекрасному, воплощенному в Красоте исторического прошлого. Уже в одном из ранних произведений он называет Элладу счастливым моментом приобщения к Прекрасному: «Мне казалось, что это мгновение было вечным и будет вечно» [1, с. 322]. Позже писатель приходит к выводу, что именно постижение смысла Прекрасного позволяет понять, почему историческое прошлое прекраснее современности: «Через несколько веков для человека, чуждого теперешней борьбе людских эгоизмов, пейзаж... нашего современного города с его фабриками, магазинами... покажется таким же поэтическим, как для нас панорама Венеции...» [2, с. 351]. Понимание красоты исторического прошлого дает то ощущение счастья и свободы, которых нет у личности рубежа XIX – XX веков, утверждает Мережковский. В качестве эстетического аргумента для обоснования своего понимания счастья и свободы он обращается к творчеству Гете (основным мотивом которого является умиротворенность), а в качестве библейского – к III книге Царств (где Господь является в полной тишине).

Неотъемлемой частью бытия, формирующего сознание человека, Мережковский считает культуру, универсальная первооснова которой скрыта в древности. Задача личности в процессе преобразования состоит в изучении опыта духовных исканий предков, интерпретации свидетельств их жизни и попытке

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.156	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 5.015	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	

вернуть утраченные смыслы «текстов древней культуры». Такую попытку предпринимает в первой части «Христа и Антихриста» будущий Отступник Юлиан, он молится перед эллинской богиней Красоты Афродиты-Андиомены, ставшей воплощением синтеза «небесного» и «земного». Во второй части, в эпоху «воскрешения богов» богиня снова появляется из мрака земли, из тысячелетней могилы, и от ее голого невинного тела, от прекрасного лица не в силах оторвать своего взора верный сын церкви Джiovанни. Спустя два века, то чувство, которое два века назад испытал Джiovанни, переживает царевич Алексей.

В поиске идеалов Богочеловечества Мережковский идет от метафизической антиномической схемы: Христос и Антихрист, Дух и Плоть, христианство и язычество, «власть неба» и «власть земли». Для обоснования своей позиции в «Христе и Антихристе» он показывает, как эта метафизическая несовместимость проявляется в творчестве героев. Так, Арсиноя вылепила «двусмысленный и соблазнительный образ с прекрасным олимпийским телом и неземною грустью в лице» [3, с.110], а Леонардо да Винчи создал Иоанна Предтечу, напоминающим Ваха.

Мережковский проецирует проблему поиска Богочеловечества на систему возникающих в разных культурах в разные эпохи возвратов и повторений аналогичных ситуаций, обусловленных противоречивыми началами человеческого мышления – «двумя безднами». Писатель выбирает особенные, смутные времена. Таковы, например, эпохи Юлиана Отступника (христианство уже победило, но язычество еще существует), или Леонардо да Винчи (возрождается эллинизм, а христианство вырождается), или Петра I.

В центре «Христа и Антихриста» не история, а миф – миф о Юлиане, Леонардо да Винчи, Петре I и Алексее. Именно они отразили общие тенденции развития всемирной истории в период исторического христианства. Писатель воспринимает миф как традицию, проявляющуюся в постоянной идентификации вымысла с существующей реальностью и ощущением «священной повторяемости». Автор «Христа и Антихриста» создаёт повторяющиеся на историческом пространстве и отражающие противоположно-подобные грани рассматриваемой личности универсальные стремящиеся к преобразованиям типы мышления. Их ценностные искания позволяют, заглянув в прошлое, выявить и сохранить преемственность традиций и укрепить свою идентичность. Петр I в представлении Мережковского одновременно и богатырь, работающий так, как будто в нем было «что-то нечеловеческое, над людьми и стихиями

властное, сильное, как рок» [4, с. 474], и царь-Антихрист. Петр I стремится к преобразованиям, направленным на процветание России, но он пытается привить свободу принуждением. Строительство «на костях народа» «погибельного города на болоте» он оправдывает словами: «Стонет наковальня под молотом».

Традиционная проблема, которую предстоит решить героям Мережковского, – проблема соотношения в их сознании ортодоксальной веры и личной свободы. «Традиционное теологическое понимание отрицает существование христианской трагедии и боится самой мысли о ней. Странно, что отрицают трагедию в религии креста. Античная трагедия есть трагедия рока, христианская же трагедия есть трагедия свободы, и в ней открывается первофеномен трагического», [5, с.47] – писал Н.А. Бердяев.

По отношению к свободе у Мережковского отчетливо выявляются два типа героев: герой эсхатологический и герой богочеловеческий. Первый исповедует «свободу греха» – все эти люди грешны от рождения и по примеру посланца Бога Иисуса должны земным страданием заслужить искупление. Он совершенно отрицает свободу человеческую и утверждает исключительное действие Бога и Божьей благодати. Познание есть удел Божественный, единственное же, что нисходит непосредственно к человеку – его вера; все прочее – изощрение дьявольской гордыни. Но пафос отрицания эсхатологического героя – пафос регрессивный – пассивным страданием плоти не построить новый рай, а лишь вновь обрести утерянный.

Герой же богочеловеческий ставит проблему добра и зла – божественного и демонического – не как объективную во времени, но как противоречие двойственного человеческого начала. И если эсхатологический герой видит искупление в страдании, то богочеловеческий – динамический – отождествляет ожидание Судного Дня с творчеством. «Внутри христианского мира противоборствуют две моральные направленности: смирение и творчество, мораль личного спасения и страха гибели и творческая мораль ценностей, мораль отдания себя преобразению и преобразению мира» [5, 125], – отмечает Н.А. Бердяев. Этим рай начала – богочеловеческий отличается отрая конца – эсхатологического. Полет есть этика творчества, попытка диалога с Богом, не прикованность к земле, а стремление к Солнцу – Истине.

Оба типа героев претерпевают свою метаморфозу. По определению Мережковского, «Бог – бесконечное, конец и начало сущего», а черт – «нуменальная середина сущего, вечная плоскость, вечная пошлость под видом вечности»

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.156	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 5.015	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	

[6, с. 213]. Эсхатологический герой в своем ортодоксальном неприятии свободы также придерживается «нуменальной середины», он статичен во времени: «На мужичьем соборе в ветлужских лесах спорили почти так же, как четырнадцать веков назад, во времена Юлиана Отступника» [4, с. 666]. Таким образом эсхатологический герой вольно либо невольно отождествляет Христа с Антихристом.

Внутренняя проблема богочеловеческого героя намного сложнее. Начиная с Юлиана Флавия, богочеловеческий герой во Христе все, кроме свободы. Та самая метаморфоза, которая ввела в заблуждение все богоискательство – пошла к сложному, не разобравшись в простом. Метаморфоза самого Мережковского, считавшего позже, что задача человечества уже не в примирении двух «бездн», а в более полном осмыслении миссии Христа.

В единстве противоположностей скрыт смысл существования богочеловеческого героя. Вспомним Юлиана Флавия, пытавшегося синтезировать два непримиримых начала в новую, неведомую миру гармонию. Трагедия этого римского императора привлекала многих писателей. Но литература переняла у церкви сложившийся стереотип безжалостного гонителя христиан, язычника-безумца, реакционера-фаталиста. Попытки осмысления личностной трагедии императора мы можем отметить у Мережковского и у Ибсена в его драме «Кесарь и Галилеянин». Идею двух «бездн» у Мережковского правомерно сопоставить с концепцией Земного Царства Плоты – Кесарева и Небесного Царства Духа – царства Бога у Ибсена. Оба автора склоняются к идее Третьего Завета. Однако, если Ибсен лишь по-новому интерпретирует сложившиеся стереотипы, то Мережковский выходит за их рамки. Их основное отличие в том, что у Ибсена кесарь Юлиан – антитеза Христу, у Мережковского же – христианству. Ибсен рассматривает Юлиана Флавия в контексте мировой истории, Мережковский – в контексте богоискательства, гениально угадав не противоречие личности Юлиана и эпохи, а чувство духовной раздвоенности его мировоззрения. Таким образом, возрождение прошлого и единение его с настоящим – безумство о будущем, «лебединая песнь всей языческой древности». У Мережковского Юлиан восстает не против христианства как религиозной идеи, а против той идеи, которую культивировала историческая церковь. Образ живого Христа стал вытесняться монументальностью новоявленного божества. Историческое христианство подчинило личность Сына Бога вновь созданному полису (церкви), сделав его только икупителем. Церковные ортодоксы считают Сына Бога лишь смиренным

мучеником на кресте, но не Освободителем. Свобода же относится к злому двойнику Христа – Антихристу. «Я – вестник жизни, я – освободитель, я – Антихрист!» [3, с. 193], – ликует Юлиан. Трагедия Юлиана в том, что он также объединил в своем сознании Христа и христианство, отождествив живого Богочеловека с насилием, а Антихриста – со свободой. Насилие над личностью казалось ему самым злым из зол. «Величайший из императоров отбросил последние притязания на христианство и сменил Ария на Аполлона. Он был кесарь из кесарей – воин, ученый, истинный философ на троне. Ему казалось, что по его знаку вставало солнце» [7, с. 214]. Далее Мережковский, ссылаясь на Августина, утверждает: «То, что мы называем христианством, было от начала мира, пока не пришел Христос во плоти и бывшая от начала истинная религия не получила названия Христианство». И далее: Это значит: тени к телу ведут; боги всех погибших миров ведут к незаткнутому Солнцу – Христу» [8, с. 156]. Поклонение язычников Богу Солнца Мережковский называет «покрывалом христианской мистерии». В этих словах раскрывается трагедия и парадокс вероучения Юлиана: понял истину, приподнял над ней завесу фарисейства, но ошибся в имени, не разглядев в своем Антихристе – Гелиосе дохристианского Христа. Внешний Антихрист – церковь ввела его в соблазн своим перевоплощением Богочеловека. Гениально поняв главное, Юлиан не сумел рассмотреть чудовищную метаморфозу несвободного Бога и перепутал его тело с тенью, но из благородного Антихриста он становится в большей степени христианином, чем все соборы и праведники, предающие его анафеме. «Если так, делает вывод Мережковский, то свой Своего не познал, когда последний эллин в последнем бою, умирая, воскликнул: «Ты победил, Галилеянин» [8, с. 246].

На примере Юлиана Флавия отчетливо прослеживается метаморфоза богочеловеческого героя. Но неверно полагать, что такой герой из Антихриста сразу же становится непризнанным Мессией. Сам Мережковский в «Наполеоне», завершающем галерею богочеловеческих героев, пишет: «Думать, что Наполеон есть предтеча Христа Грядущего, так же нелепо, как и думать, что он предтеча Антихриста. В том то и великая его трагедия, и не только его, но и наша, что он сам не знает, чей он предтеча. В этом, в главном он – только вопрос без ответа» [9, с. 16]. По мнению Мережковского, это герой демонический в древнем языческом смысле. Не случайно в «Леонардо да Винчи», одно из центральных мест занимает легенда об ангелах, не поддержавших в небесной брани ни Бога, ни дьявола: «Свободные и печальные духи – не злые и не добрые, не

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.156	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 5.015	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	

темные, не светлые, причастные к добру и злу, тени и свету – изгнаны были верховным правосудием в долину земную, среднюю между небом и адом, в долину сумерек, подобных им самим, где стали человеками» [3, с. 480].

Высшее предназначение богоискательства – движение к свободе личности, но не отдельного человека, а всего общества; только тогда будет положен конец извечному противоборству духа и плоти, небесного и земного, христианского и языческого, и будет возможность в полной мере разгадать имя Иисуса Неизвестного – Освободитель, тем самым уподобиться Сыну Бога, став Богочеловечеством. «Может быть, страшной ценой мы вот-вот пойдем, что неизвестное имя Христа – Освободитель и что, не приняв свободы, мы никогда не узнаем Неизвестного» [10, с.11], – утверждает Мережковский в своей итоговой работе «Иисус Неизвестный».

Мережковскому древние культуры представляются универсальной первоосновой культурно-исторического целого и предметом художественного изображения. Писатель обращается к реминисцентно-аллюзивному введению в текст тем и образов, которые относятся к разным пластам культуры, служат созданию коммуникативных кодов авторской модели человека и становятся универсальной знаковой системой. Восприятие Петербурга как окна в Европу является своеобразной аллюзией «Медного всадника» А.С. Пушкина:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно [11, с. 587].

Было и другое восприятие Петербурга: как иллюзорного города, который «казалось, ... подымется и разлетится как сон». Налицо прием интертекстуальности – реминисценция из «Подростка» Ф.М. Достоевского: «А что как разлетится этот туман, не уйдет ли с ним и этот... город, подымется с туманом и исчезнет» [12, с.113].

В трилогии много аллюзий, связанных с каноническим текстом Иоанна Богослова, духовными стихами о недолгом царстве на земле Антихриста. Это и сон царевича Алексея, когда ему снится, как народ, падая ниц, поклоняется «зверю», и его страшное пророчество: «И падет сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови» [4, с.713]. Это и

многочисленные сравнения Петра I с Антихристом.

Как известно, в народном сознании, особенно в среде старообрядцев, Петр I воспринимался как претендент на место Христа. «И почему он первый, – рассуждает автор бегунского сочинения, – потому, что он на ся взял первенство самого истинного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, то есть и противник Богу, и святым его» [13].

Conclusion

Таким образом, в своем творчестве, и, прежде всего, в трилогии «Христос и Антихрист» Мережковский обосновывает концепцию возрождения личности через синтез времен, эпох и культур. Этим писатель настаивает на следовании высшим ценностям. Такая ориентация возвышает человека, обогащая его духовно, увеличивая индивидуальный потенциал действия, побуждает к творческому преобразованию среды в соответствии с гуманистически выверенными идеями, что особенно важно в нашем беспокойном мире. Мережковский сближает чрезвычайно отдаленные друг от друга исторические эпохи, создает иллюзию универсальности временных пространств, мифологизирует исторические факты, вводит в текст произведения реминисцентно-аллюзивные темы и образы, относящиеся к разным пластам культуры; обогащает конкретно-исторические образы универсальными символами (дух-плоть, Христос-Антихрист, сверхчеловек-богочеловек), способными стать истинными ценностными ориентирами (язычество и христианство, разум и вера, действие и созерцание). Обращение к творчеству Д.С. Мережковского убеждает в возможности личности осмысливать эстетические традиции тех или иных эпох, осуществлять культурную идентификацию, диалог в освоении культурных норм и образцов общения и поведения разных эпох и народов, использовать их символы, идеалы и ценности для противостояния деструктивному влиянию быстротечности и фрагментарности жизненного мира субъектов новых цивилизационных отношений (личности, семьи, социальных групп, этносов).

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.156	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	

References:

1. Merezhkovskii, D. S. (2004). Estetika i kritika: v 2 t. M.: *Iskusstvo*, T.1, p. 669.
2. Merezhkovskii, D. S. (1994). Zapisnaia knizhka 1891 g. Puti i mirazhi russkoi kul'tury: sb. st. / Ros. AN, In-t rus. lit. (Pushkin. dom); redkol.: V.E.Bagno (otv. red.) i [dr.]. – SPb.: *Severo-Zapad*, p. 509.
3. Merezhkovskii, D. S. (1990). Sobr. soch.: v 4 t. M.: *Pravda*, T. 1, p. 591.
4. Merezhkovskii, D. S. (n.d.). Sobr. soch.: v 4 t. T. 2, p. 764.
5. Berdiaev, N. A. (2006). O naznachenii cheloveka. M.: *AST*, p. 569.
6. Merezhkovskii, D. S. (1991). V tikhom omute. M.: *Sov. Pisatel*, p. 489.
7. Chesterton, G. K. (2007). Vechnyi chelovek. Kursk: *Apologet*, p. 319.
8. Merezhkovskii, D. S. (2007). Taina zapada: Atlantida-Evropa. M.: *EKSMO*, p. 671.
9. Merezhkovskii, D. S. (1998). Napoleon. M.: *Terra – Knizhnyi klub*, p. 416.
10. Merezhkovskii, D. S. (2013). Iisus Neizvestnyi. M.: *EKSMO*, p. 690.
11. Pushkin, A. S. (1989). Izbr. soch.: v 2 t. M.: *Raduga*, T.1, p. 813.
12. Dostoevskii, F. M. (1973). Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: *Nauka*, T. 5, p. 406.
13. (1275). Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva, op. 1, d. 609, l-14.